

На следующий день

— Зачем мы здесь? — Тянь Цаньцюэ нахмурился, в его голосе невольно прозвучали нотки вызова. Место, перед которым они остановились, больше всего походило на подземную темницу.

— Разве ты не хотел учиться игре на цине? — ответил Лань Фэн.

Лань Фэн почувствовал мимолётную жалость. Впрочем, сочувствие сочувствием, а рисковать головой он не собирался. Даже если бы ему прибавилось смелости, он никогда бы не посмел нарушить приказ Тянь Исюаня — это было бы и страшно, и совершенно бессмысленно.

— Здесь?.. — Тянь Цаньцюэ нерешительно замер.

Ему не показалось — Лань Фэн действительно смотрел с жалостью.

«Но к кому? Неужели ко мне?»

— Внизу... заточен один человек, — Лань Фэн помедлил, подбирая слова. — Невероятный мастер, чей талант игры на цине не знает равных. Но... у него давние счёты с твоим отцом.

Посланник Книги всё же решил предостеречь мальчика. Как ни крути, в глубине души он испытывал жалость к этому ребёнку, чья судьба с самого рождения оказалась столь суровой.

— И что из этого? — после короткого молчания тихо спросил Тянь Цаньцюэ.

Лицо его оставалось спокойным, но сердце медленно, капля за каплей, уходило в пятки.

— Глава дворца велел тебе учиться у него, — не сводя глаз с неестественно спокойного мальчика, выдавил Лань Фэн.

— Я понял, — Тянь Цаньцюэ коротко кивнул и двинулся вниз по ступеням.

— Постой, — внезапно окликнул его Лань Фэн, глядя в спину уходящему мальчику.

Для семилетнего ребёнка это было запредельно жестоко. Но такова участь каждого, кому не повезло родиться во Дворце Поднебесной.

Отогнав минутную слабость, Лань Фэн заговорил сухим, бесстрастным тоном:

— Глава дворца передал: если через полгода твои успехи его не удовлетворят... — он на мгновение скользнул взглядом по тонким пальцам мальчика, — эти руки тебе больше не понадобятся.

Тянь Цаньцюэ вздрогнул, словно от удара хлыстом. В ту же секунду ледяной панцирь его хладнокровия треснул, и наружу вырвался яростный гнев. Не помня себя от возмущения, он повернулся к посланнику и, чеканя каждое слово, выплюнул:

— Раз так, почему бы ему просто не отрубить мне голову?!

Лань Фэн молча смотрел на разъярённого ребёнка. Он едва заметно и пугающе холодно усмехнулся.

— Запомни, малец: во Дворце Поднебесной смерть — это далеко не самый худший исход.

От этих слов ярость в груди Тянь Цаньцюэ вспыхнула с новой силой. Но он сумел сдержать её, стиснул зубы и, не проронив больше ни звука, зашагал вглубь подземелья.

— Не веришь? — негромко вздохнул ему вслед Лань Фэн. — Что ж, когда-нибудь ты поймёшь...

В его тихом бормотании слышалась глубокая, застарелая тоска.

Спустившись в полумрак узилища, Тянь Цаньцюэ поморщился. Сырой, спёртый воздух и давящие каменные своды вызвали удушливое чувство тревоги. Камни под ногами казались скользкими от вековой плесени.

Сделав ещё несколько шагов, он резко замер, разглядев впереди неясный силуэт.

Чуть поодаль, привалившись к стене, сидел человек. Грязный, заросший, в лохмотьях, которые не стирались, казалось, целую вечность. Его руки и ноги безжизненно плетями лежали на холодном полу, а на запястьях и лодыжках багровели уродливые глубокие шрамы — явный след перерезанных сухожилий. На осунувшемся, истощённом лице живым укором выделялись пустые, невидящие глазницы. Искалеченный узник был слеп.

«А ведь когда-то эти глаза, должно быть, были удивительно красивыми...»

Эта мысль внезапно родилась в голове Тянь Цаньцюэ, когда он вглядывался в обезображенное лицо калеки.

— Кто здесь? — хриплый, леденящий душу голос эхом разорвал могильную тишину темницы.

— Тянь Цаньцюэ, — растерявшись на мгновение, отозвался мальчик. Только сейчас он понял, что слепец обращается именно к нему.

Несмотря на явную слепоту, узник словно смотрел прямо ему в душу. Под этим невидимым пристальным взглядом Тянь Цаньцюэ невольно занервничал. Вся жалость, что всколыхнулась в нём при виде изувеченного тела, мгновенно испарилась, уступив место какому-то живому страху.

— Кто тебя прислал? — бесстрастно спросил калека.

— Тянь Исюань... Я пришёл учиться игре на цине, — преодолевая робость, ответил мальчик.

— Я не стану тебя учить, — отрезал узник и замолчал, вновь превратившись в безжизненную каменную статую.

Смятение быстро прошло. Собравшись с мыслями, Тянь Цаньцюэ принялся трезво оценивать положение дел.

«Этот человек наверняка люто ненавидит Тянь Исюаня. Но почему он настолько спокоен?»

Судя по невыносимому смраду, стоявшему в камере, узник гнил здесь уже не меньше года. Но его дух не был сломлен. Он держался так, будто находился не в сырой зловонной яме, и будто это не его сухожилия были безжалостно перерезаны вражеским клинком.

Время тянулось медленно, словно густая смола. Наблюдая за абсолютным, непоколебимым спокойствием этого человека, Тянь Цаньцюэ почувствовал, как тяжесть, давившая на грудь после разговора с Лань Фэном, начала понемногу отступать.

— Старший?.. — нерешительно позвал он.

Ответа, как и следовало ожидать, не было. Но мальчику теперь было всё равно. Ему просто до смерти хотелось выговориться, найти хоть одну живую душу, готовую слушать. Неважно кого — лишь бы не держать всё в себе.

Опустив глаза, Тянь Цаньцюэ медленно сел на холодный грязный пол и негромко заговорил:

— Формально... я вроде как сын Тянь Исюаня. Вот только я помню то, что было раньше. До моего рождения, — он горько усмехнулся. — Глупо звучит, да? Я и сам так думаю... До сих пор не могу понять, было ли всё то сном. Или, может, этот кошмар вокруг — и есть настоящий сон?

Тянь Цаньцюэ уставился на слабый, дрожащий язычок пламени на стене, полностью погрузившись в свои мысли.

— Но если это сновидение... то мне явно не везёт на хорошие сны, — тихо вздохнул он. — Знаешь, я ведь ни разу в жизни не видел Тянь Исюаня вживую. Будь мы настоящей семьёй, мы ведь праздновали бы Новый год вместе, верно?

Он горько и не по-детски печально улыбнулся.

— И всё-таки я хотел верить. Хотел достучаться до него. Попросил найти мне учителя музыки... И он нашёл, — Тянь Цаньцюэ попытался снова усмехнуться, но почувствовал глубокую тоску. — А потом приказал передать: если через полгода я не оправдаю его ожиданий, мне переломают руки.

Он хотел выдать ещё один смешок, но губы словно онемели — на лице не осталось ни единой эмоции.

Закрыв лицо ладонью, мальчик замер, переживая, пока схлынет подступившая к горлу удушливая волна отчаяния. Лишь когда буря внутри улеглась, он снова заговорил:

— Старший, если я добуду снадобье, которое исцелит твои раны... ты обучишь меня игре на цине?

Он ни на секунду не сомневался, что Тянь Исюань исполнит свою угрозу. Как-то раз Тянь Цаньцюэ случайно увидел, как во Дворце Поднебесной наказывают провинившегося слугу. После этого зрелища он двое суток не мог сомкнуть глаз, а от одного вида еды его выворачивало наизнанку.

Существовало ли в природе лекарство, способное восстановить перерезанные сухожилия, мальчик не знал. Но...

«Раз уж Тянь Исюань отправил меня сюда, вряд ли это было простой издевкой».

С этой мыслью Тянь Цаньцюэ поднялся и направился к выходу из темницы. Узник так и не проронил ни слова до самой последней секунды, пока тяжёлая дверь не захлонулась, отрезая его от внешнего мира.